

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Интеркультура в судьбе и творчестве

М.Цветаевой*

М.П.Жигалова, д.п.н., профессор Брестского госуниверситета им. А.С.Пушкина, заслуженный учитель Республики Беларусь

В жизни есть такие этапы, когда именно поэзия с ее яркостью и силой переживания является главным показателем настроений эпохи. Как правило, это свойственно бурным историческим периодам, временам общественных потрясений, войн, экстремальных ситуаций.

Именно такому периоду посвящено стихотворение М.Цветаевой «Германии».

О, дева всех румянее
Среди зеленых гор –
Германия!
Германия!
Германия!
Позор! ^
Полкарты прикарманила,
Астральная душа!
Встарь – сказками туманила
Днесь – танками пошла.
Пред чешскою крестьянкою –
Не опускаешь вежд,
Прокатываясь танками
По ржи ее надежд?
Пред горестью безмерною

О магия! О мумия
Величия!
Сгоришь,
Германия!
Безумие,
Безумие
Творишь! ·
С объятьями у́давми
Расправится силач!
За здоровье, Мораея!
Словакия, словачь!
В хрустальное подземие
Уйди – готовь удар:
Богемия!
Богемия!

* Продолжение. Начало см. №7, 2010. – С.36.

Сей маленькой страны, Богемия!
Что чувствуете, Германы — Наздар!
Германии сыны?

(9–10 апреля 1939 г.)

Время написания стихотворения было самым тяжелым в жизни поэтессы. Ностальгия, духовная изоляция, неопределенность положения, желание уехать в Россию, чувство обреченности – вот составляющие трагедии ее жизни. М.Цветаева была всегда вне политики, но всегда осуждала насилие, жестокость, войну, которые несут человечеству горе и разочарования.

Стихотворение написано в 1939 году, когда фашистская Германия во главе с Гитлером решила завоевать мир. В результате соглашения, заключенного в сентябре 1938 года в Мюнхене между Германией, Италией, Англией и Францией, Чехословакия была оккупирована и разделена на три части: Словакию, Моравию, Богемию. И потому отношение Цветаевой к Германии как к прародине своих предков теперь уже не такое восторженное, как это было в первые годы ее знакомства со страной. В тяжелое для Чехословакии время М. Цветаева верила в помощь России.

Уже название стихотворения «Германии» указывает на то, что поэтесса вновь обращается к стране, судьба которой ей безразлична. Она с возмущением воспринимает происходящее, которое, как ей кажется, не к лицу Германии (*Германия!// Безумие,/ Безумие/ Творишь!*).

Тема стихотворения – осуждение всякого насилия, предостережение от безумной мании величия. Основная мысль – ненависть к политике Германии и боль за страну, которая ей была так дорога. В первых строках она обращается к Германии как родному и любимому человеку, называя ее *девой всех румянее среди зеленых гор*. Чувствуется трепетное отношение лирической героини к стра-

не, которую она знает и любит. Но это чувство теперь уже сочетается со стыдом, гневом и упреком: *Германия! Германия! Позор!* В последней строфе звучит обращение к Чехословакии, к той ее части, которая называется уже «Богемией», поддерживая ее в трудную минуту, разделяя ее участь и одновременно желая ей победы. И в первой и в последней строфе чувствуется высокая эмоциональность, напористость, энергия.

Характеризуя ключевые слова стихотворения, мы видим, как динамичен образ Германии, как меняются его характеристики: *дева всех румянее, астральная душа, магия*, и, наконец, *мумия*. Доминантным в стихотворении является слово «Германия», потому что именно к ней обращает свои призывы поэтесса. Правда, оно выступает здесь в разных вариантах.

Сначала Германия – это *дева всех румянее*, читатель видит ее на фоне сказочного пейзажа, но уже во второй части стихотворения дева отождествляется с удавом: *(с объятьями удавьими)*.

Во второй строфе Германия – это уже *астральная душа*, которая стремится во что бы то ни стало к «звездности», величию, власти над миром. И теперь лирическая героиня с возмущением посылает уже упреки в адрес политики Германии: *полкарты прикарманила, астральная душа!* Обращаясь к прошлому государства, она с нежностью говорит о добрых временах, когда *встарь – сказками туманила*. Теперь же с осуждением подчеркивает, как изменилась политика страны: *днесь – танками пошла*.

В пятой строфе лирическая героиня уже называет Германию *магией*, а потом – *мумией*, то есть бесчувственной и безразличной к судьбам других стран и народов, их культурам. Возмущение вскоре переходит не только в осуждение, но и в горечь, обиду и преду-

прежде о том, что такая захватническая политика и желание владеть всем миром добром для Германии не кончится. Расплата неминуема: *Сгоришь, Германия! Безумие, безумие творишь!*

В шестой и седьмой строках М.Цветаева обращается уже к Чехословакии, поддерживая ее желание защититься (*С объятьями удавими / Расправится силач!*) и призывая ее к борьбе (*Словакия, словачь!*).

Стихотворение предельно экспрессивно. Ритм, энергичный, напористый, создается с помощью ямба и преобладающей женской рифмы. Суждения лирической героини бескомпромиссны. Вызывает уважение ясность и объективность позиции в отношении как к захватчикам, так и к жертвам агрессивной политики. Строфа звучит как набат-обращение к сынам немецкой страны (*Что чувствуете, Германы —/ Германии сыны?*).

Важна и звуковая сторона стихотворения. Нарастающие возмущение, гнев переходят в осуждение, угрозу расплаты. Эти чувства передаются с помощью аллитерации (*Германия! Германия! Германия!; позор, полкарты прикарманила, пред, прокатываясь по, вежд, ржи; надежд; горестью, Германы, магия, мумия, безумие; здравие Моравия; удар, наздар*). Преобладающие в звукописи стихотворения *з, л, ж, г, м, б, р, д* создают напряженную атмосферу, помогают передать возбужденное настроение героини.

Ключевые слова – существительные. Они преобладают в первой, пятой и седьмой строках, что поддерживает мысль о вечности и неизменности существования мира.

Однако обилие глаголов (сначала прошедшего времени: *прикарманила, туманила, пошла*; затем настоящего времени: *не опускаешь, что чувствуете*; будущего времени и повелительного наклонения: *сгоришь, расправится, уйди, готовь*) во второй, третьей, четвер-

той, шестой и седьмой строфах указывает на динамичность событий, которым не суждено победное завершение. Вместе с тем глаголы второго лица единственного числа (*не опускаешь, сгоришь, творишь*) еще раз подчеркивают личностное отношение лирической героини к судьбам воюющих государств.

Смысловую нагрузку несут фольклорные мотивы и старославянизмы: *встарь, днешь, пред, вежд, сей, здравие*, лексические повторы (*Германия, Германь, Германии сыны, Словакия, словачь, Богемия*). Они еще раз подчеркивают важную мысль, что народы могут влиять на политику государства и жить без войны и насилия. Все эти изобразительно-выразительные средства придают стихотворению эмоциональность и создают напряженность.

Стихотворение заканчивается восклицательным предложением: *Наздар!* Лирическая героиня уверена, что настанет время ответить за содеянное. Всем воздастся по заслугам.

Асиндетон и преобладание односоставных предложений, обращения (*О магия! О мумия!*) придают стихотворению еще большую выразительность.

Аллегория, метафоричность создают зримые образы сильных мира сего и их деяний, всего хода событий. Так, *астральная душа* ассоциируется у читателя с мистической потусторонней неземной и нечеловеческой душой, ныне живущей обманом и хитростью; *удавьи объятья* – с оккупацией; *танками пошла* – совершила нападение; *полкарты прикарманила* – завоевала другие страны.

Образ Германии одушевлен. Это дева, которая *прикарманила* полмира, *пошла, туманила, не опуская вежд*. И в то же время – это бесчувственная уже за-

стывшая мумия величия, которой предначертаны поражение и позор, ибо *Германия творит безумие*, а значит, *сгорит* в огне и ее величие.

В четвертой строфе поэтесса обращается к сынам Германии – Германам. Это имя выбрано неслучайно. Оно распространено в Германии и созвучно названию страны. Какова страна – таковы и ее сыновья. Поэтесса взывает к их чувствам, к их совести, призывает опомниться и не творить безумия. Мания величия всегда затмевает разум, рассудок.

Чехословакия ассоциируется со скромной и беззащитной *крестьянкой*. М.Цветаева призывает страну уйти в *хрустальное подземие* и готовить достойный удар противнику, лирическая героиня уверена, что час расплаты обязательно настанет.

Таким образом перед читателем предстает образ Германии во всей его сложности. С одной стороны – это прекрасная *дева всех румянее...* и магия, волшебная страна. А с другой, – это алчная завоевательница, которая, *прикарманив полкарты* и желая возвеличиться над миром, творит безумие.

Стихотворение написано в форме монолога-обращения, предостережения. Укоряя и осуждая Германию, поэтесса предупреждает ее об опасности – возмездии, которое наступит неминуемо. Эта мысль, легко угадываемая и прочитываемая в тексте стихотворения, звучит и сегодня как наказ и предостережение потомкам. Как видим, отношение к Германии неоднозначное.

Не менее значимо в контексте обозначенной нами темы и стихотворение «Бабушке». Его понимание немыслимо вне контекста польской культуры. Сестра Цветаевой Анастасия вспоминает: *В комнате матери висел*

портрет бабушки, красавицы-польки Марии Лукиничны Бернацкой, умершей очень рано – в двадцать семь лет. Увеличенная фотография – темноокая, с тяжелыми веками, печальное лицо с точно кистью проведенными бровями, правильными, милыми чертами, добрым, горечью тронутым ртом. Такой притягательной тайной была для Марины Цветаевой ее бабушка. Но она не просто родной человек. Это прежде всего женщина, способная себя защитить, смело, всем своим существом выражающая протест против несправедливости.

Лексическим воплощением взаимодополняемости, нерасчлененности русского и польского мотивов в стихотворении «Бабушке» служит образ бабушки-польки. Воспроизводя свое восхищенное отношение к бабушке-польке, М.Цветаева «транслирует» таким образом польскую культуру. Это происходит через описание вальса Шопена, игры на фортепиано, национальных черт характера польки (*твердый овал, надменные губы, прекрасные локоны, прямой и взыскательный взгляд, готовый к обороне взгляд и др.*), что дает возможность воспринимать образ и черты этнического характера в контексте общечеловеческой культуры. *Вальс Шопена, залы дворца, черного платья раструбы, локоны в виде спирали, продолговатый и твердый овал лица* – всё символизирует национальные особенности характера *двадцатилетней бабушки-польки*:

*Сколько возможностей вы унесли,
И невозможностей – сколько? –
В ненасытимую прорву земли,
Двадцатилетняя полька!*

Описание портрета и черт характера бабушки говорит о силе духа, ее строгости и серьезности, холодной красоте, гордости и способности за себя постоять. Лири-

ческая героиня М.Цветаевой неоднократно подчеркивает свою близость и уважение к родному человеку, используя слово *бабушка*. Она испытывает чувство гордости за принадлежность ее, а значит и себя, к польской нации. Она понимает, что и в ее жилах течет польская кровь.

Из приведенных фрагментов анализа видно, что полный смысл всего контекста творчества Цветаевой реализуется уже не в двух, а в трех языках и культурах. Очевидна взаимодополняемость элементов немецкой, польской и русской культур. В результате такого творческого синтеза языковых и культурных систем в сознании и творчестве Цветаевой кристаллизуется своего рода «интеркультура», которая является одновременно продуктом взаимодействия этих систем и их структурным отображением, спроецированным на индивидуальную карту мира автора. Интерязык и интеркультура, как и их синтез, проявляющийся во всем творчестве Цветаевой, служат, главным образом, проводником темы изгнания, определяют философию жизни поэта

Литература:

1. Я.Клотц. Для поэта нет родней языка: о «всеязычии» в поэзии Цветаевой и Бродского. В кн.: Russian Literature in Europe. Fedor B. Poljakov (Vienna) / Vol.3. – Peterland internationaler Verlag der Wissenschaften // Яков Клотц. – Frankfurt am Mein, 2008. – 562 с.
2. Г.П.Струве. Русская литература в изгнании: опыт исторического обзора русской литературы / Г.П. Струве. – Нью-Йорк, 1956: 2-е изд. – Париж, 1984. – С.100-101.
3. М.Цветаева. Соч. в 7 т. // М.Цветаева. – М., 1994.
4. В.А.Швейцер. Быт и бытие Марины Цветаевой / В.А.Швейцер. – М., 1992.

